

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Колоколова Александра Михайловича «Этнокультурная ситуация в верховьях Оки и Дона в VIII – первой половине XI века», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3 Археология.

Представленная к защите работа посвящена реконструкции культурно-исторических процессов, протекавших на территории верхних течений Оки и Дона в VIII – первой половине XI века как составной части общей картины распространения славянской, а позднее древнерусской культуры на территории Восточной Европы.

Диссертация состоит из двух томов. Первый из них включает текстовую часть диссертации (Введение, 6 глав и Заключение), список археологических коллекций, список архивных источников и литературы, список научных публикаций, в которых изложены основные научные результаты исследования – всего 405 л. Во втором томе содержатся приложения к диссертации: Сводная таблица полевых исследований на памятниках VIII – 1-й половины XI в. верховьев Оки и Дона; Каталог опорных комплексов; Альбом иллюстраций (143 рис.).

Во Введении к диссертации представлены все обязательные для введения к диссертационному исследованию рубрики, в т. ч. охарактеризованы актуальность темы исследования, степень разработанности проблемы, хронологические и территориальные рамки, определены объект, предмет и методы исследования, сформулирована исследовательская программа. Охарактеризована источниковая база исследований, включающая как досконально проработанные музейные фонды, так и результаты раскопок, в том числе проведенных непосредственно диссертантом или при его участии.

Согласно представленной характеристике территории исследования, она отчетливо распадается на две части, соответствующие бассейнам обеих крупных рек, Оки и Дона. Они различаются не только своей гидрографической приуроченностью, но и природными характеристиками (в т. ч. почвами), плотностью выявленных памятников и распространением их отдельных категорий (так, в бассейне Дона отсутствуют клады). Далее в тексте диссертации сообщается, в частности, что в водораздельной части изучаемого региона в IX–X вв. памятников не известно вовсе. Создается впечатление, что все же речь идет о двух довольно самостоятельных субрегионах. В тексте диссертации территории по притокам Дона и Оки объединены преимущественно реконструируемыми путями из одного бассейна в другой. На мой взгляд, единство рассматриваемого региона все же следовало бы обосновать дополнительно, ведь далее памятники бассейнов Оки и Дона в каждой главе фактически рассматриваются по раздельности.

Глава 1 представляет собой краткий очерк историографии археологического изучения верховьев Оки и Дона. Автор кратко характеризует проделанные предшественниками работы и достигнутые ими результаты, подробно останавливаясь, в частности, на значимых полевых исследованиях и публикациях С.А. Изюмовой, Т.Н. Никольской и А.В. Григорьева. Здесь же А.М. Колоколов рассматривает терминологический аспект выделения роменской и боршевской культур (или единой роменско-боршевской), а также древностей типа Сахновки и типа Волынцево. Точное определение этих культурных феноменов, в т. ч. хронологическое, занимает важное место в построениях автора. Отметим, правда, что тезис автора «на территориях, значительно отдаленных от Битицы, второй этап мог наступить позднее или не наступить вовсе, и сахновский этап длился вплоть до роменской эпохи» выглядит как несколько искусственная попытка удлинить продолжительность сахновского этапа на изучаемой им территории, при том, что сам диссертант пишет о находке керамики «круга Битицы» (т. е. гончарной волынцевской) на городище Супруты и др. поселениях (см. также л. 43 и сл.).

Глава 2 посвящена скудным данным письменных источников, касающихся верховьев Оки. Следуя устоявшейся в российской историографии традиции с ее особым вниманием к «этнокультурным» сюжетам, автор принимает для местного населения конца I – нач. II тыс. наименование «вятичи», хотя в своем дальнейшем изложении пользуется в основном археологическими наименованиями, более уместными в археологическом исследовании.

В главе 3, «Этнокультурная ситуация в VIII веке», диссертант анализирует древности периода, предшествовавшего широкому распространению роменских памятников в верховьях Оки и Дона. Очень важно доказанное Александром Михайловичем сохранение в это время мощинских традиций и, следовательно, мощинского населения. Он доказывает этот тезис выделением ряда комплексов, где достоверно совстречается керамика роменского и мощинского облика, а также отдельных сосудов, демонстрирующих черты метисации двух керамических традиций. Изучение исторических судеб носителей культур эпохи переселения народов и их контактов с носителями «славянских» культур – одна из наиболее актуальных исследовательских задач для всей лесной зоны Восточной Европы, и диссертантом продемонстрирован один из путей ее решения.

Основная часть 3-й главы посвящена рассмотрению памятников типа Сахновки-Волынцево, выявленных пока на территории изучаемого региона только в бассейне Оки, а также материалам изученного диссертантом поминального (?) комплекса на площадке городища Гора-Услань. Проведенный автором анализ керамики, вещевых находок и конструкции жилищ на поселениях приводит его к справедливому выводу о неоднородности населения региона в указанный период: наряду с сохраняющимися группами пост-мощинского населения, на Окско-Деснинском водоразделе появляются памятники с материалами волынцевского типа, а на р. Упа функционировал сложный поминальный комплекс, возможно, связанный со степными традициями.

Убедительное выделение А.М. Колоколовым пласта предроменских памятников и их подробное описание – безусловный и весомый вклад автора в археологию исследуемого им региона.

Глава 4, «Поселения и материальная культура славянского населения IX – 1-й половины X века», посвящена следующему периоду истории региона, характеризующемуся широким распространением роменских памятников, уже давно известных в бассейнах верхнего течения Оки и Дона. А.М. Колоколов рассматривает памятники в бассейнах обеих рек как единую группу, хотя и упоминает об иных точках зрения, разделяющих роменские и боршевские древности.

В главе 4 рассматриваются только поселенческие памятники (городища и селища), поскольку могильникам посвящена отдельная глава. Диссертант характеризует географическое расположение и топографию поселений, планировку и конструкцию жилых и хозяйственных построек, керамический комплекс (проанализированы коллекции 10 раскопанных памятников), вещевые находки.

Автор приходит к выводу о том, что материальная культура населения верховьев Оки и Дона является одним из локальных вариантов роменской культуры и сходна с роменской культурой Левобережного Поднепровья. Удачна предложенная автором классификация форм лепной керамики, с принципиальным отказом от высчитывания усредненных пропорций кривобоких горшков (л. 97 сл). Разработанная А.М. Колоколовым классификация лепной керамики учитывает региональные особенности керамического комплекса, позволяет описать весь набор представленных сосудов и сопоставить их с керамикой соседних регионов и керамической посудой предшествующего времени. Встреченные на изученных поселениях круговые сосуды (салтовская керамика, причерноморские амфоры) справедливо рассматриваются в первую очередь как свидетельство контактов местного населения.

Сравнительно немногочисленные вещевые находки рассмотрены диссертантом по функциональным категориям: украшения и детали одежды; хозяйственный инвентарь и предметы домашнего обихода; изделия из кости и глины; предметы воинской культуры. Для всех вещевых находок подобраны убедительные датированные аналогии, определена их принадлежность к тому или иному культурному миру. Как и повсюду в Восточной Европе этого времени, вещевой комплекс довольно эклектичен, хотя наиболее заметно и закономерно в культуре Окско-Донского междуречья салтовское влияние.

Вместе с тем, некоторые рассмотренные диссертантом вещевые находки нуждаются в комментарии. В частности, узколезвийные топоры с парными щекавицами с городища Супруты и селища Уткино-1 (рис. 53) нет необходимости сопоставлять с восточнолитовскими. На всех «окско-донских» топорах верхняя грань топора дугообразно изогнута кверху – такой же изгиб характерен для топоров из восточнофинских памятников; у топоров восточнолитовского типа, напротив, верхняя грань топора прямая или даже изгибается книзу. Таким образом, надежные аналогии топорам из Супрут и Уткина следует искать далее к востоку.

Приведенные А.М. Колоколовым на рис. 42 трапециевидные привески отчетливо распадаются на две группы. Одна из них – крупные привески с выпуклым пуансонным орнаментом (рис. 42: 10–17) – действительно похожа на привески культуры смоленских длинных курганов и синхронные им, но узкие гладкие привески (рис. 42: 19–21) следует рассматривать, скорее, как составную часть сложных шумящих украшений или, например, привески к гривнам – этот след также ведет к восточнофинским древностям.

Собранные на илл. 44 синие бусы объединены в одну группу, хотя судя по приведенным фото, не только различаются по форме, но и изготовлены из разного стекла: есть и бусы темного лиловато-синего («кобальтового») стекла – рис. 44: 6, и – в основном – прозрачного голубого стекла (рис. 44: 14–23), и двучастная пронизка характерного грязноватого оттенка («серовато-голубого», по З.А. Львовой). Их следовало бы рассматривать по отдельности.

Вообще, в будущем было бы интересно сопоставить бусинные материалы с хорошо проанализированной и датированной коллекцией Ладоги – памятника, включенного в ту же сеть торговых путей (достаточно вспомнить находки в Ладоге синих стеклянных лунниц и «салтовских» перстней с крестообразной жуковиной). В частности, в Ладоге присутствуют и поперечно-проколотые глазчатые бусины с синей основой (но, правда, с желто-красным глазком) (ср. рис. 44: 11, 12). Синие бусы с бело-красными глазками находят свои аналогии и далее в Северной Европе, где составляют, например типы B425, B435 по Ю. Калльмеру. В древностях Балтики эти бусы также датируются концом IX – нач. X в.

В главе 4 вновь отчетливо демонстрируется разделение памятников Окско-Донского водораздела на две группы в соответствии с приуроченностью к бассейнам разных рек, и связующими путями между ними являются крупные притоки Оки, по которым можно попасть на притоки Дона или значительно сократить путь внутри Окского бассейна. Рассмотрению этих путей посвящен специальный раздел представленной диссертации – «8.4. Верхнеокский участок Донского торгового пути». Диссертант принимает и развивает точку зрения А.В. Григорьева (2006, 2010, 2011) об активном функционировании этого участка. Однако конкретные построения автора требуют дополнительной аргументации.

Само по себе существование активной дальней торговли и использование для нее путей по крупным рекам не подлежит сомнению – об этом свидетельствуют многочисленные импорты по всей Европе – как, например, упомянутые выше салтовские вещи в Ладоге. Но реконструкция конкретных трасс на местности, особенно за пределами течения крупнейших рек, – чрезвычайно сложная задача, требующая анализа не только археологического материала конкретных памятников, но и анализа сведений о палеоландшафте и увлажненности; простого взгляда на расположение рек на карте здесь недостаточно. Хорошей иллюстрацией сложности этой задачи являются многолетние попытки реконструировать трассу Волховско-

Днепровского пути – его волоковой участок между Ловатью и Днепром по сей день остается нерешенной проблемой.

Не менее сложная задача – определение прохождения путей по импортам на поселениях, ведь по археологическим данным практически невозможно сказать, через сколько рук прошел импорт / монета, прежде чем попасть на памятник – и, следовательно, всякий ли комплекс следует наносить на карту торговых путей. Кроме магистральных торговых путей, в каждой местности, безусловно, действовали свои вторичные сети обмена и торговли. Не стоит представлять, что в дальней торговле участвовало каждое поселение у реки.

Скрупулезно собранные и учтенные Александром Михайловичем импортные находки и косвенные свидетельства дальней торговли в итоге рисуют нам ватаги купцов, двигавшихся, подобно некрасовским коробейникам, от селища и селищу и в каждом пройденном поселке оставлявших по дирхему. Реальная картина, видимо, все-таки была иной.

Частное замечание – небольшая заклепка с городища Супруты (рис. 77: 14) вряд ли относится к ладейным, не менее вероятно ее происхождение от щита или сундука. Не могут быть надежным свидетельством функционирования дальних водных путей и смолокурные ямы (л. 209) – ведь смолили и небольшие рыбацкие лодки, и рыбацкие сети, и даже бревенчатые конструкции.

Заключительный раздел главы 4 посвящен датировке и причинам финала памятников IX – 1-й половины X века. Нужно отметить вновь обоснованную автором сравнительно позднюю датировку гибели городища Супруты – не ранее середины X в. С предложенной им датой следует согласиться. Постепенное прекращение жизни на поселениях этого этапа диссертант связывает с распадом Хазарского каганата и постепенным разрушением инфраструктуры Верхнеокского участка торгового пути, контролировавшимся Хазарией. В целом этот тезис не вызывает никаких возражений.

Глава 5, «Поселения и материальная культура славянского населения 2-й половины X – середины XI в.» посвящена рассмотрению памятников

последнего хронологического отрезка избранного А.М. Колоколовым объекта исследования. Это период распространения в регионе сложившейся древнерусской культуры или, по словам автора, «постепенного перехода региона в древнерусскую культурную и политическую среду» (л. 218). Выделение памятников 2-й пол X – середины XI в. в междуречье верховьев Оки и Дона и их характеристика проведены автором впервые, ранее эта группа памятников не была известна. Основными критериями для отнесения поселения к позднему периоду являются наличие в материалах раннекруговой посуды и вещевых находок, датируемых не ранее середины X в. В главе 5 анализируются в основном те же аспекты, что и в предыдущей: географическое положение и топография памятников; оборонительные сооружения; жилые постройки; керамика; вещевой комплекс. Автор убедительно демонстрирует изменения в системе расселения – поселения позднего периода смещаются с берегов крупных рек на их более мелкие притоки, некоторые из поселений укрепляются.

Из текста диссертации как будто бы следует убежденность автора о непосредственной преемственности между памятниками обоих этапов – их оставило одно и то же население, сменившее основной вектор контактов и, видимо, жившее с ощущением некоей угрозы. Однако ряд вопросов остался за рамками диссертационного исследования.

Первый из них – действительно ли население осталось тем же самым? Или сюда дополнительно продвинулись еще какие-то группы людей, тоже пользовавшихся керамикой роменского типа? Если многие формы раннекруговой керамики, как показано автором, соответствуют формам Днепровского левобережья и Смоленского Поднепровья – значит ли это, что гончарный круг появился в Окско-Донском междуречье со стороны Днепра? или просто типология раннекруговой керамики Поднепровья по каким-то причинам наиболее пригодна для описания керамики Окско-Донского водораздела? тогда по каким?

Другой важный вопрос – насколько корректно для Окско-Донского водораздела уверенно разделять «североевропейское» и «древнерусское»? Ведь североевропейский / восточнобалтийский компонент достаточно рано стал органической частью древнерусской культуры и на юго-восточные территории пришел уже в этом качестве. Не случайно практически все предметы (кроме уникальных высокохудожественных), относимые автором к «североевропейским», широко представлены в памятниках Северо-Запада и в Гнездове. Рассмотрим некоторые приведенные диссертантом примеры.

Подковообразные фибулы с гранчатыми головками на концах и на дуге трапецевидного сечения, найденные на городищах Супруты и Спицыно (см. рис. 121: 1), среди исследователей единодушно признаются восточнобалтийской по происхождению формой. Однако этот тип подковообразных фибул очень рано и широко был усвоен древнерусским населением Северо-Запада – фибула этого типа найдена, в частности, на таком раннем поселенческом памятнике, как Которский погост. Наличие аналогичных фибул в материалах Гнездова отмечает и сам А.М. Колоколов (л. 255).

Не менее выразительный набор аналогий из древнерусских памятников автор приводит и для иглы фибулы с орнитоморфным изображением (л. 255–256, рис. 121: 4). Здесь нужно отметить, правда, неточность, допущенную автором вслед за публикацией Т.В. Равдиной: игла от фибулы из могильника Удрай в Полужье происходит от подковообразной фибулы уже XII в. и, как и вся фибула, покрыта стилизованным растительным орнаментом (погребение 1 кургана 6 в могильнике Удрай IV; хранится в фондах Новгородского музея-заповедника).

Бусы с городища Тимофеевка – сварная мозаичная с полосатой зеленой основой и желто-красными глазками и уплощенная белая с двойной печеночно-красной волной (рис. 120: 14, 17) относятся к типам, массово представленным в Ладоге, а позднее белые бусы с печеночно-красной волной встречены почти во всех заметных центрах Северо-Запада.

Не менее прочно в ассортимент древнерусских украшений вошли и ладьевидные браслеты, представленные в памятниках Северной Руси заметными сериями.

Став в пределах Северной Руси частью древнерусской культуры, вещи североевропейского происхождения достигли более южных территорий уже как ее компонент. Возможно, отдельной исследовательской задачей могло бы стать сопоставление находок (вещей и керамики) на памятниках Окско-Донского водораздела с материалами Гнездовского археологического комплекса, но эта задача уже выходит за рамки представленного исследования.

Отдельная глава (6-я) посвящена погребальным памятникам региона. Автор рассматривает памятники IX – 1-й пол. XI в., т. е. двух выделенных им периодов как единую группу, объясняя такой подход сложностями узкой датировки раскопанных погребений. Рассмотренные А.М. Колоколовым курганные могильники с кремациями, в целом довольно разнородные, сосредоточены в бассейне Оки, что вновь противопоставляет окскую и донскую часть рассматриваемого им региона. На современном этапе исследования материалов для детального изучения развития (или, наоборот, стабильности) погребального обряда в рассматриваемых могильниках действительно мало; эта работа, вероятно, будет проделана позднее, по мере проведения новых полевых исследований.

Вслед за главой, специально посвященной погребальным памятникам, очень хотелось бы видеть в представленном исследовании и отдельную главу, рассматривающую клады. В тексте представленной диссертации денежные и денежно-вещевые клады, как и отдельные монетные находки, рассматриваются в разделах, посвященных поселениям, – в основном как подтверждение предлагаемых датировок и свидетельство торговых связей. Клады при этом привязаны к периодам обращения дирхема, выделенным В.Л. Яниным для всей территории Восточной Европы. Возможно, подробный анализ денежно-вещевых кладов конкретного региона в их совокупности мог

бы дать дополнительные данные для реконструкции местных культурно-исторических процессов.

В Заключении диссертационного исследования подводятся итоги проделанной работы, намечена стратегия дальнейших изысканий.

В результате проведенного исследования на защиту выносятся следующие положения:

– Славянская колонизация верховьев Оки и Дона проходила в три этапа, для каждого из которых характерны определенные черты материальной культуры.

– Начальный этап славянского освоения региона приходится на VIII в. Основную роль в сложении этнокультурной картины в этот период играли носители древностей типа Сахновки–Волынцево. Материалы этого времени представлены немногочисленными, но выразительными находками, обнаруженными в ходе исследований последних лет на 12 памятниках региона.

– Следующий, ранний период занимает IX – 1-ю половину X в. В это время в верховьях Оки и Дона возникает множество памятников, материалы которых принадлежат к роменской археологической культуре. Поселения расположены на берегах крупных рек региона, их жители принимают активное участие в функционировании Верхнеокского участка Донского торгового пути. Для погребального обряда характерны подкурганные кремации на стороне. В этот период население региона испытывает серьезное влияние салтово-маяцкой культуры.

– Поздний этап наступает во 2-й половине X в. и продолжается до середины XI в. В этот период территорию продолжают населять носители роменской культуры, но меняется система расселения. Все исследованные памятники этого времени расположены на удалении от крупных водных артерий региона. Их вещевой и керамический комплекс демонстрирует постепенный переход в древнерусскую культурную среду. Во 2-й половине – конце XI в. роменская культура в верховьях Оки и Дона полностью замещается

древнерусской. Достоверных погребальных памятников этого периода пока не известно.

Воссозданная Александром Михайловичем картина культурно-исторических процессов нарисована убедительно и непротиворечиво. Вызывают некоторое возражение и просят дальнейшей проработки лишь отдельные детали:

– безусловное объединение бассейнов верхних притоков Оки и Дона в единый культурный регион: в тексте представленного исследования неоднократно продемонстрированы различия между западом и востоком Окско-Донского междуречья, а объединяет их, в сущности, лишь реконструируемая сеть возможных речных путей;

– нуждается в дополнительном обосновании предлагаемая автором сеть магистральных и местных речных путей: конкретные трассы их прохождения, степень участия конкретных поселений в дальней торговле и местных путях обмена; хотя отрицать существование торговых (и военных?) путей в целом по Дону и Оке не приходится, линии, прочерченные диссертантом на мелкомасштабной карте, пока выглядят несколько умозрительно.

Нельзя не отметить огромный объем проделанной диссертантом полевой и аналитической работы, качество и научную ценность представленных иллюстраций. Высказанные выше отдельные конкретные замечания нимало не умаляют ценности проделанного исследования.

Диссертация Александра Михайловича Колоколова является законченным самостоятельным исследованием, имеющим теоретическое и практическое значение. Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации и отражает ее структуру.

Материалы и выводы диссертации полновесно отражены в 43 публикациях, из них 12 статей опубликованы в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК.

Диссертационное исследование А.М. Колоколова полностью соответствует предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени

кандидата наук критериям «Положения о присуждении ученых степеней»,
утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842.
А.М. Колоколов достоин присуждения ученой степени кандидата
исторических наук по специальности 5.6.3 Археология.

Официальный оппонент,
кандидат исторических наук
ведущий специалист Института истории
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»
Е.Р. Михайлова

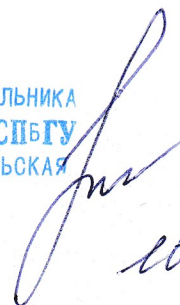

199034, Российская федерация
Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9
Тел.: +7 (812) 325–87–36
Электронный адрес: spbu@spbu.ru
Официальный сайт: <https://spbu.ru/>

ЛИЧНУЮ ПОДПИСЬ
Е. Р. Михайлова
ЗАВЕ РЯ Ю

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ СПбГУ
Н. К. КОРЕЛЬСКАЯ

10-09-2026